

ПОЕДИНОК С СУДЬБОЙ

Т Ъ Е Р Р И
К О Э Н

история моего
безумия

Москва
2016

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
К76

Thierry Cohen
JE N'ÉTAIS QU'UN FOU

© Editions Flammarion, Paris, 2014
Фото автора Gilles Defaix © Flammarion

Перевод с французского *Елены Клоковой*
Художественное оформление *Петра Петрова*

Коэн, Тьерри.
К76 История моего безумия / Тьерри Коэн ;
[пер. с фр. Е. В. Клоковой]. — Москва : Из-
дательство «Э», 2016. — 384 с. — (Поединок с
судьбой. Проза Г. Мюссо и Т. Коэна).

ISBN 978-5-699-88838-2

«Когда роман будет закончен, я умру» — так начал известный писатель Сэмюэль Сандерсон свою книгу. Когда-то он был обычным человеком, любил свою жену Дану и дочь Мэян и был уверен, что семья — самое ценное, что у него есть. Но слава и богатство все изменили, этого испытания Сандерсон не выдержал. Его жизнь отныне протекала в свете софитов, под шелчки фотокамер. Поклонницы считали величайшим счастьем, если он снисходил до интрижки, журналисты почитали за честь взять у него интервью. В этом угаре остановиться, подумать было невозможно. И вот результат — он потерял все, что раньше так ценил, его жизнь оказалась под угрозой. Неужели плата за ошибки может быть столь высокой?

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Клокова Е., перевод на русский язык, 2016
ISBN 978-5-699-88838-2 © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Посвящается
Соляль, Джонасу,
Ялон и Амбель

Пролог

Когда роман будет закончен, я умру.

Интересно, они сначала найдут тело, а потом рукопись или наоборот? Скажете, детский вопрос? Да нет, скорее причуда романиста, который не может не воображать, какой хронологический порядок сделает финал произведения воистину эффектным.

Многим ли авторам удалось превратить последнюю главу своей жизни в первую главу будущей книги?

Мне нравится ирония момента. Я долго искал смысл жизни, а теперь распутываю нити существования, пытаюсь осознать смысл собственной смерти.

Логичней всего будет выглядеть следующая цепочка событий: обнаружение тела, ужас, слезы, вопросы, потом рукопись. Они прочтут эти строки и заговорят о совпадении, предвидении, мистицизме и проклятии. Используют слова, из которых соткалось полотно моей известности, чтобы сплести мой литературный саван.

Пресс-секретари используют эту возможность, чтобы обеспечить широкое медийное

освещение, и мой последний роман будет иметь еще более шумный успех, чем все предыдущие.

Издатель оплатит мою смерть, пошлет цветы семье, раскошелится на некролог, а потом соберет пиарщиков и маркетологов, чтобы договориться о рекламной кампании. О кампании без участия автора, настоящей коммерческой находке — ведь вниманию безутешных читателей представят посмертный роман, раскрывающий подробности моей жизни и смерти. Книга будет раскупаться с почтительным благоговением, как личные вещи покойной знаменитости на аукционе. Что они смогут понять? Как интерпретируют мою исповедь? Увидят ли в ней вымысел, в очередной раз восхитившись силой моего воображения, или воспримут как чистосердечное признание, которым я хотел развенчать сам себя?

Какая разница? Они будут расхватывать мое «духовное завещание», как горячие пирожки. А несколько месяцев спустя или в годовщину моей смерти издатель и литагент предложат выпустить полное собрание сочинений. Как они его назовут? Прощальным даром? Данью уважения? Ладно, довольно прятаться за иронией. Мне хочется казаться сильным, но я, конечно же, боюсь. За семью, за себя.

Я разочтусь с жизнью словами, и этот словесный понос, эта долгая агония станет моим последним поступком. Поразительно, но я на-

История моего безумия

хожу в этом некоторое удовольствие. Я решил написать роман ценой собственной жизни, и это разбудило угасшую страсть. Я никогда не подходил так близко к заветному источнику вдохновения, о котором грезит каждый художник, надеясь зачерпнуть из него и воспламенить свой талант.

Человек боится, писатель воспаряет.

* * *

Я не собирался писать этот пролог, но не смог изменить привычке начинать все мои повествования, сея сомнения, пугая и запутывая читателей. А еще это способ попрощаться с вами. И попросить прощения. Я знаю, вы меня не понимаете. Пока не понимаете.

Знайτε одно: когда я жил во лжи, каждый мой роман был актом не любви, но соблазна. Эта книга — если она удастся, несмотря на недостаток времени, — заставит вас возненавидеть меня. Смейтесь надо мной, отстранитесь от моих эмоций, не позволяйте им захлестнуть вас! Иначе пожалеете. Умение сочувствовать другому, делающее человека самым нежным, а иногда и самым глупым существом на свете, может исказить ясность восприятия и побудит вас оправдать мои ошибки.

Я никогда не заслуживал вашей любви. Я завлекал вас, обманывал и обманывался сам.

Тьерри Коэн

Я делал это по глупости, из тщеславия и всех других слабостей, которые присущи человеческой расе и так часто ее губят.

То же самое тщеславие позволяет мне наслаждаться работой над последним романом, вместо того чтобы сгорать со стыда и трястись от страха. Тщеславие — самая подлинная и сильная из всех наших эмоций, к тому же я ужасно самодоволен и думаю, что моя история послужит назиданием другим, помешает тем, кто похож на меня, потерять любовь близких из-за иллюзорных стремлений к могуществу.

Я дошел до предела судьбы. Невероятной участи, которая, устав от поисков искусственного равновесия между реальностью и мистицизмом, между жизнью «здесь» и «там», решила придать слову «конец» всю полноту его смысла.

Итак, из тщеславия и по эстетическим соображениям я приступаю к работе, и пусть она станет моим прощальным поклоном.

Часть 1

ОТКРОВЕНИЯ

-1-

До выхода в свет моего первого романа я был счастливым отцом семейства. Наш с женой союз покоился на прочном фундаменте взаимопонимания, которое удивляло тех, кто чист душой, восхищало идеалистов и вызывало зависть у проигравших. Кризисы, конечно, случались и у нас, но мы все преодолевали, понимая, как сильно нам повезло.

Мы встретились, когда нам было по двадцать два, на вечеринке, куда ни она, ни я не собирались идти. Случай зовется судьбой, когда пишет первые страницы истории грядущих событий. Она вошла в компании нескольких подруг, и я сразу понял, что эта девушка будет моей (извините за клише, которое так часто встречали в моих романах). Это не было догадкой — скорее наитием, висевшим в воздухе откровением. Она была очень красивой, а в ее улыбке угадывалось истинное простодушие — редкий дар, который обычно предпочитают скрывать.

Я подошел, подал ей стакан, предложил выпить.

— Может, произнесешь тост? — спросила она. Ее явно позабавило мое нахальство.

— За нашу встречу... Нашу любовь... За наших будущих детей.

Скажите, молодой соблазнитель решил выпендриться, блеснуть остроумием? Ничего подобного! Я сказал, что думал.

До того дня мысли о любви нагоняли на меня тоску и тревогу. Наверное, потому, что единственную женщину, которую я любил, увезли на «Скорой», и она так и не вернулась. Мне потом объяснили, что мама нуждалась в лечении и постоянном наблюдении, что ее психика была не в лучшем состоянии, но я все равно чувствовал себя брошенным. «Она вернется», — пообещали взявшие меня к себе бабушка с дедушкой. Но мама окуклилась в своем безумии и однажды сама положила ему конец — вместе с жизнью. Никто не считал нужным просветить меня насчет характера ее болезни и способа самоубийства. С тех самых пор я начал питать к женской половине человечества влечение, граничащее с зачарованностью и недоверием, а если кто-то признавался мне в любви, сразу пугался. Любовь ассоциировалась у меня с разлукой и смертью, и до встречи с Даной я не имел ни малейшего желания проверять, насколько это справедливо. В ее глазах я увидел ту мягкую силу, которой наделены женщины, точно знающие, что их

ждет в жизни. Безмятежность Даны попала в унисон с моим желанием найти брод на опасном пути к будущему. На следующий день она пришла ко мне в гости, а через неделю переехала с вещами. Не припомню, чтобы у нас возникла хоть тень сомнения. Все было просто и ясно: впереди долгая счастливая жизнь.

Как-то раз, еще в детстве, я спросил деда, как узнать в женщине «ту самую, единственную». Он задумчиво потер подбородок (его позабавила моя серьезность) и сказал — без тени улыбки, осознавая всю важность обмена опытом между поколениями: «Нужно задать себе три вопроса. Первый: она добра? Понимаешь, малыш, злыдни — как медленно действующая отравка — помереть не помрешь, но мучиться будешь всю жизнь. Женская злоба, кстати, может зваться ревностью или капризом. Идем дальше... Хочешь ли ты, чтобы она стала матерью твоих детей? Всегда помни, в тебе заложена такая сильная любовь к тем, кто однажды будет называть тебя папой, что ты не доверишь их недостойной женщине. Ну и последнее: смогу я стариться рядом с ней, не стесняясь собственной немощи? Если мужчина покидает этот мир раньше женщины, она должна помнить не дряхлого, выжившего из ума старикашку, а человека, которого любила. Ответишь «да» на все три вопроса — без промедления предлагай руку и сердце».